

Кадровый кризис. Статья 1. Путь в профессию

Автор подводит итоги своих многолетних размышлений о библиотечной профессии и библиотечном образовании в нашей стране.

Ключевые слова: библиотеки, библиотекари, библиотечная профессия, библиотечное образование, библиотечные кадры, кадровый кризис.

Кадровый кризис в наших библиотеках уже стал реальностью: лишь четверть сотрудников – профессионалы. Подобной ситуации нет, пожалуй, ни в одной отрасли хозяйства. Представьте, что нас будут лечить, перевозить, учить люди, которые овладевают профессией «по ходу дела»... И мы ещё продолжаем говорить об имидже и престиже! Радоваться надо, что читатели нам пока доверяют. Мы же высоко оцениваем свою работу, пользуясь критериями, которые придумываем сами.

Сегодня библиотекарей, которые обучаются на бюджетной основе, значительно меньше, чем несколько десятилетий назад. К тому же у нас давно нет «порядка распределения», нет индивидуального членства в РБА. Поэтому мы не знаем, где работают профессионально подготовленные кадры. В США, например, все выпускники библиотечных школ, получив степень магистра, становятся членами Американской библиотечной ассоциации, которая не только заботится о социальной защите каждого, но и ведёт учёт всех своих членов на протяжении всей их жизни. Парадокс: члены Союза писателей или Союза журналистов в России стоят на «персональном учёте», а вот членство всех библиотекарей в РБА не предусмотрено.

У нас, чтобы стать библиотекарем, достаточно устроиться на работу в библиотеку. Мы сами снижаем престиж профессии, называя библиотекарями сотрудников без специального образования. Чтобы выделить профессионалов, придумали должности *старших, главных*. За рубежом библиотекарем называют только профессионала, другие сотрудники – клерки, техники, помощники, но не библиотекари.

Наша профессия – прикладная, требующая особых психических качеств и свойств личности. Нужно уметь общаться с людьми, быть толерантным, разносторонне образованным, начитанным человеком.

«Набирать» знания надо ещё в школьные годы. Начитанные и эрудированные школьники посещают наши библиотеки. Мы их знаем, и именно их мы должны ориентировать на нашу профессию, рассказывать о том, что происходит внутри библиотеки, приглашать на работу к нам и делать всё, чтобы они её полюбили.

В предыдущем абзаце я написал: «Мы их знаем». Однако, к большому сожалению, много раз убеждался, что это не так – мы не знаем наших читателей. Для нас это – «масса»: пришли, поменяли книжки, ушли. Нас не интересует, довольны ли они выбором книг. У нас ведь нет денег, чтобы всё купить... В тысячах библиотек книгохранилища закрыты от читателей, книги лежат в подвалах. Что спросят – принесём. Многим невдомёк: книги надо не только читать, но и просто смотреть, перелистывать. Некоторые школьники даже любят вытирать пыль в книгохранилище. Но как таких обнаружить, если мы туда никого не пускаем?

Почему многие из нас ничем не могут заинтересовать школьников? Ответ простой: они сами не видят ничего занимательного в своей работе – платят гроши, что тут интересного... Во-первых, школьники 7–8 классов ещё не думают о зарплате. Во-вторых, если кто-то не видит ничего интересного, например в таблицах УДК или ББК, в работе каталогизатора, значит он ничего не знает о работе библиотекаря.

Много лет я пишу и говорю: библиотекарями становятся в библиотеке. Это происходит в одном случае из тысячи, может быть – реже. А нам чаще и не надо.

Иногда на работу в библиотеку приходят в 17–18 лет и раньше. Образование они получают потом, когда уже станут библиотекарями. Я, например, уже в 13 лет считал себя библиотекарем: в Московский библиотечный

институт поступал дважды. Если бы было нужно, приехал поступать и в третий раз: альтернативы не было. Окончив вуз в 1960 г., работаю в библиотеке уже больше шести десятков лет. В разные годы в «Ленинке» читали и становились библиотекарями «на всю жизнь» А. Е. Шапошников, М. Д. Афанасьев, И. П. Осипова, М. Ю. Нещерет и многие другие.

Библиотечную профессию нельзя получить в учебном заведении. Там обучают! А полюбить её можно, только работая в библиотеке. Неслучайно во многих странах будущие профессионалы сначала работают, а потом учатся.

Из тех, кто сначала учится, мы получаем незначительный процент профессионалов. Много зависит от того, как сочетается процесс обучения с профессиональным воспитанием. Открою секрет: лично я больше воспитываю, чем обучаю. И многие поначалу думают, что я трачу аудиторное время зря – рассказываю о людях нашей профессии, о библиотеках, о многом другом, вроде бы не связанном с учебным курсом. Позже приходит понимание: здесь, в аудитории, студенты незаметно становятся профессионалами-библиотекарями. Меня часто спрашивают: чем отличается профессионал от хорошо обученного библиотекаря? Ответ простой: у профессионала никогда не возникнет мысль о том, чтобы взять деньги с читателя за библиотечную услугу. Уже потому, что он знает историю и исходный пункт библиотечной философии: хозяин библиотеки – читатель, ради которого мы и работаем.

Сегодня мы можем спасти нашу профессию только таким способом: принимать сотрудников на работу, обучать, отбирать, воспитывать – и только потом направлять учиться. Я предлагаю библиотекам заняться несвойственной им работой. Правда, сразу же возникают опасения: чиновники начнут «спускать» плановые цифры – найти, подготовить и направить в вузы столько-то библиотекарей... Предполагаю, что бесплатного высшего образования в нашей стране скоро совсем не будет. Это значит, что оплачивать обучение своих сотрудников будет библиотека. Расходы, как известно, надо планировать заранее. Но как можно за год предсказать, сколько сотрудников (и кто именно) «дозреет» до поступления в вуз? Распределять средства, скорее всего, будет «вышестоящее» звено. Можно предположить, сколько откроется возможностей нарушить закон.

В США, например, бесплатного обучения в вузах нет. При этом ни один из слушателей Библиотечной школы не оплачивает учёбу сам: 60% обучаются за счёт библиотек, остальные получили гранты – города, штата, именные. Многие известные фирмы готовят специалистов для себя.

Сегодня нельзя одномоментно закрыть «дневную» (очную, на стационаре) форму подготовки библиотекарей, так как финансирование вузов напрямую зависит от числа студентов-очников (по плану приёма). Мы лишь поговорили о Болонском процессе, но не обратили внимания: удельный вес лекций в зарубежных вузах незначителен. Профессора в основном ведут коллоквиумы и консультации, чаще индивидуальные, чтобы выявить личные способности студентов. Все знают: образование на уровне бакалавра – минимальная база, достаточная для работы. Для развития профессиональных качеств нужно заранее выявлять способных студентов, которые после бакалавриата должны поработать, чтобы стать компетентными, и только потом идти в магистратуру.

Создаётся впечатление, что в наших вузах все работают только по указанию «сверху». Я опубликовал десятки статей на эту тему, но дискуссии не получается. Мои коллеги предпочитают молчать (во всяком случае – в печати). Помолчат лет пять-десять, а потом вдруг оказывается, что высказанное мною очень давно предложение «неожиданно назрело» (пришла «бумага») и его надо проводить в жизнь.

В 1990 г. по приглашению Американской библиотечной ассоциации я читал лекции в библиотечных школах США о библиотечном образовании в России. Текст лекции, как это у нас было принято, был подготовлен заранее, многократно проверялся. Обычно я выступал минут сорок, потом отвечал на вопросы, и всё затягивалось на два-три часа. Многие вопросы меня ставили в тупик. Я бодро отвечал на первый из них (например: «Почему вы уверены, что библиотекарей надо готовить так же, как учителей?»), не предполагая, что это начало продуманной, хорошо подготовленной многоходовой серии, в конце которой мне поставят «детский мат». Проигрывая очередную партию, я понял, что о многом мы никогда не задумывались.

Дважды меня просили прочитать лекцию по истории или теории классификации. И оказалось, что эти выступления, текстов которых у меня не было, заинтересовали аудиторию гораздо больше. Многих поражало, как я работал мелом на доске, как быстро писал библиотечным почерком «их родного Дьюи»

термины и понятия в схемах по-английски. Американские профессора уже работали с проекторами, и многим это не нравилось. Как мне объяснили, в учебном процессе слайды и презентации не показывают «динамику движения и развития мысли». Я и сегодня об этом думаю – у нас не умеют работать с доской «в динамике». Ведь и презентацию можно сделать «пошаговой»... Зачем же читать текст с экрана? Для этого не надо быть профессором.

После возвращения из США я по собственной инициативе прочитал серию лекций о библиотечном образовании в сравнительном аспекте. Оказалось, что изучение зарубежного опыта помогает понять свои проблемы. Мне удалось привезти в Москву сотни документов. Больше всего меня тогда интересовали вопросы библиотечного образования у нас и у них [1].

Идеи «второго диплома» и магистратуры в те годы отвергались «с порога». Мне так и сказали: «Это нам не надо». С собственной инициативой у нас выступать нельзя. Вот мы и ждали, когда «наверху» «дозреют» до бакалавриата и магистратуры, Болонского процесса, компетенций. Когда «спустили бумагу», возникло много вопросов, например: кто такие магистры, на какие должности в библиотеках будут брать магистров. Но теперь поздно обсуждать детали. У нас стали готовить магистров, не подумав о том, что они должны иметь практический опыт работы.

В 2007 г. я выступил против Болонских принципов [2]. Это было то время, когда каждый ректор спешил прочитать доклад о том, как его вуз реализует принципы Болонского процесса. Моя точка зрения, высказанная «против течения», была проигнорирована. Прошло пять лет. Что-то я не вижу никакого движения ни в сторону Европы, ни оттуда к нам. Статей об этом «процессе» больше уже не пишут, и докладов нет... Обнаружилась «главная проблема нашего образования»: оказывается, у нас нет компетентностного подхода. Я вновь выступил против [3]. Все сделали вид, что не читали мою статью. «Модная» тема вспыхнула и сохранилась только в документах. А компетентности у нас как не было, так и нет.

В 2009 г. я опубликовал статью «Как правильно называется наша специальность?» [4], в которой показал алогичность словосочетания *библиотечно-информационная деятельность*: между двумя равнозначными словами нужно ставить не дефис, а союз «и». Никто из коллег мне не возразил. М. Я. Дворкина признала мою правоту. Согласился и Н. С. Карташов. Так давайте же исправим ошибку! Нет, ответили мне «сверху», сразу нельзя: такое словосочетание вошло в образовательный стандарт «очередного поколения». Будем ждать пересмотра. Только я опасюсь: пока дойдёт до дела, все об этом забудут.

У нас педагогическое, а не библиотечное образование со случайными вкраплениями специальных дисциплин. Из вузовской программы исчезло «Введение в литературоведение» – курс, благодаря которому мы становились грамотными. Наш главный инструмент – язык. Но «Введения в языкознание» у нас как не было, так и нет. Считаю просто необходимым и курс «Языки и культуры народов мира». Мы же не можем отличить японские иероглифы от китайских, не разбираемся в старославянской графике (где буквы – они же и цифры!) и во многом другом. «Хоть бы сказали, где можно прочитать об этом», – пожаловалась мне слушательница АПРИКТа, окончившая МГУКИ, после того как в курсе «Документоведение» послушала мои лекции о «языке» нотных и картографических документов. Кто же в МГУКИ отвечает за отсутствие общей культуры?

Считаю, что три дисциплины общеобразовательного цикла – психология, педагогика, английский язык – должны преподаваться иначе, более профессионально. Программу по библиотечной психологии я предложил много лет назад [5]. Никакой реакции не последовало. Хотели ввести новую программу по библиотечной педагогике, но ушла из жизни Наталья Владиславовна Збаровская.

По поводу английского языка: неужели кому-нибудь надо доказывать, что для всех библиотекарей английский должен стать рабочим? У нас же знание специальной лексики требуют только от аспирантов (и в пределах своей узкой области).

Я получил хорошее библиотечное образование, горжусь, что окончил библиотечный факультет Московского библиотечного института и в моём дипломе написано: «Библиотекарь-библиограф высшей квалификации». Давайте хотя бы вернём всё хорошее из того, что у нас было! Мне уже в который раз показывают свёрстаный государственный образовательный стандарт «очередного» нового поколения. Мои замечания никому не интересны. Стандарт, сказано в пояснительной записке, составлен в соответствии с

требованиями...

Может быть, надо «закрыть» наш факультет в МГУКИ и открыть его, например в библиотеке? Кто должен учить библиотекарей? Какие знания, умения, навыки они должны приобрести в годы учёбы? Поговорим об этом в следующей статье.

Список источников

1. **Библиотечная** профессия. Кадры. Непрерывное образование : сб. статей и докладов / Э. Р. Сукиасян. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 448 с.
2. **Болонский** процесс и библиотечная практика / Э. Р. Сукиасян // Науч. и техн. б-ки. – 2007. – № 6. – С. 16–24.
3. **Компетентностный** подход: еще одна возможность уйти в сторону от реальных задач библиотечного образования / Э. Р. Сукиасян // Там же. – 2008. – № 4. – С. 107–115.
4. **Как правильно** называется наша специальность? / Э. Р. Сукиасян // Там же. – 2009. – № 4. – С. 46–49.
5. **О психологической** подготовке библиотекаря-профессионала / Э. Р. Сукиасян // Там же. – 1998. – № 11. – С. 57–60. – Прил.: «Библиотечная психология»: примерная структура учебника для библиотечного факультета вузов. – Перепеч. в кн.: Библиотечная профессия. Кадры. Непрерывное образование : сб. статей и докладов / Э. Р. Сукиасян. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2004. – С. 282–288.